ВОЛГОЙ И КАМОЙ.

(Путевыя впечатлѣнія).

I.

По Николаевской жел. дорогѣ.

Первыя впечатлѣнія.—Итальянская легенда.—«Прямолинейность» Николаевской дороги.—Въ вагонѣ и на вокзалахъ.

Говорится послѣднее «прости», шлется прощальная улыбка, кивокъ головы,—и Петербургъ со всѣмъ его настоящимъ не существуетъ болѣе для васъ. Онъ остался какъ бы въ одномъ только прошедшемъ, настоящее же — это мелькающія будки, березы, казенныя фигуры на платформахъ... Съ первыхъ же минутъ васъ поражаетъ разница въ воздухѣ, въ окружающей обстановкѣ. Вмѣсто пыли и духоты — чистый, освѣжающій вѣтеръ, вмѣсто каменныхъ громадъ—зелень листьевъ и мурава. Становится понятнымъ, почему петербуржецъ лѣтомъ рвется даже сюда, или не зная лучшаго, или не имѣя возможности пользоваться лучшимъ. Вдоль полотна желѣзной дороги онъ понадѣлалъ маленькія дачки, вырылъ прудки, развелъ около нихъ садики, повѣсилъ на балконахъ маркизы. Въ первую минуту вы готовы увлечься этими видами, благодарные уже за то, что дворники перестали мести пыль прямо вамъ въ лицо, а ломовые—давить васъ оглоблями своихъ телѣгъ, но дѣйствительность скоро беретъ свое. Дачки начинаютъ казаться мизерными, садики—пародіей на растительность, а обвислыя маркизы — настоящимъ оскорбленіемъ эстетикѣ. Зелень повсюду бѣдная, мурава рѣдкая и тощая; жиденькія березы, болотистая почва, сѣрая или красная глина

подъ пашней, вырубленный лѣсъ... И какое-то дѣтски-радостное чувство охватываетъ душу при мысли, что день-другой,— и вся эта петербургская мразь останется далеко назади, а сами вы будете лицемъ къ лицу съ настоящей неприкрашенной природой во всемъ ея блескѣ и развитіи...

Но странно! Въ ту же минуту, какъ вы надѣлили петербургскую природу такимъ неизящнымъ эпитетомъ, другое, совсѣмъ противоположное чувство охватываетъ васъ,—чувство любви и уваженія.

Глядя на эту сѣрую глину, на этотъ желтый черноземъ, конечно, никакъ не примѣнишь къ нашей землѣ изящной итальянской легенды объ Адамѣ и Евѣ, легенды, отъ которой такъ и вѣетъ благовоннымъ югомъ. Когда наши прародители покидали рай, то Ева на прощанье сорвала нѣсколько цвѣтковъ. Тучныя зерна пышныхъ растеній предназначила она той благодатной странѣ, которую сочтетъ наиболѣе достойною стать вторымъ райскимъ садомъ. Такою страной оказалась счастливая Riviera. О, какъ, должно быть, далеко мимо нашей родины проходили первые люди! Ни улыбки ласки, ни движенія привѣта не кинули они въ сторону холоднаго сѣвера, и тусклое солнце, не согрѣвая и не радуя, съ тѣхъ поръ цѣлыми вѣками безучастно скользитъ надъ нашей равниной.

Но стала ли отъ этого она хуже,—для насъ по крайней мѣрѣ? Свою родину любимъ ли мы меньше отъ этого? Пускай съ гордой улыбкой проходитъ мимо нея иностранецъ, пускай сторонятся ея неказистаго платья; но она намъ мила, она, наша бѣдная, несогрѣтая, но дорогая родина! Ей наша любовь, наша забота, привѣтъ. Можно съѣздить на югъ, насладиться дарами Rivier'ы; но не жить тамъ всегда.

Эти тощія поля мы взросили своимъ по́томъ, а въ этихъ мѣднокрасныхъ болотахъ не знаешь, чего больше: проржавѣлой ли воды или крови предковъ, павшихъ въ бою. Подъ знаменами ли Невскаго, съ ополченіемъ ли Довмонта, съ ратью ли Тишайшаго или подъ мощною рукою Великаго—намъ пришлось вынести вѣковую борьбу за право существовать на этихъ болотахъ, на этомъ пескѣ. Здѣсь наша исторія, наше прошлое, и полдневное солнце Италіи не замѣнитъ намъ этихъ земель. Да, если и на югъ, то не навсегда!

А между тѣмъ поѣздъ катитъ да катитъ. Смѣняются названія станцій, смѣняются лица, но самыя эти лица и станціи, всѣ эти вокзалы, будки, подъѣзды и калитки, даже жандармы и сторожа удивительно какъ скроены всѣ на одинъ манеръ. На всякихъ желѣзныхъ дорогахъ это однообразіе до извѣстной степени явленіе общее; но нигдѣ оно не проявляется такъ рѣзко, какъ на Николаевской дорогѣ. Нигдѣ глупое правило—держать пассажировъ взаперти—не выполняется такъ пунктуально, какъ здѣсь; нигдѣ, кажется, кондуктора не держатъ себя такъ начальнически и властно (я не говорю: грубо; грубы они всюду); нигдѣ не чувствуешь себя такъ мало gemüthlich, какъ тутъ. Но за то же и нигдѣ эти черты такъ не идутъ, какъ именно къ Николаевской дорогѣ.

Про нее не подумаешь сказать:

Большая дорога, прямая дорога,
Не мало простора взяла ты у Бога—

не эта мысль приходитъ на умъ. Люди захотѣли все создать и перестроить по одной мѣркѣ, по одному строго опредѣленному шаблону, въ своемъ увлеченіи и гордомъ самозабвеніи они готовы были и самую природу направить по этому пути, забывая, что ихъ пріемъ не только насильственный, но и искажающій. Мысль, возводившая въ идеалъ до возмутительности правильную линію солдатъ, построенныхъ въ одну шеренгу, не могла себѣ представить, чтобъ между двумя столицами, кульминаціонными пунктами правительственной и административной дѣятельности великаго русскаго государства, могъ существовать иной желѣзнодорожный путь, какъ только въ видѣ стрѣлы, летящей по прямому направленію. Приказаніе отдано, и стрѣла дѣйствительно полетѣла. Но за то всѣ эти Новгороды, Валдаи, Торжки, всѣ эти великія историческія имена или крупные, промышленные центры остались внѣ ея полета. Тѣмъ хуже для этихъ пунктовъ! Законъ прямолинейности нельзя же нарушать ради нихъ!

Хочется уйти отъ этихъ впечатлѣній; чтобъ отвлечься, присматриваешься къ составу поѣзда, съ которымъ ѣдешь, но встрѣчаешь тутъ самый избитый, самый опошленный матеріалъ. Воспитанники привиллегированнаго заведенія, прогуливающіеся по рюмочкѣ на каждой станціи, въ вагонахъ гово-

рящіе сальности; дачницы и постоянныя обитательницы станцій, слоняющіяся по дебаркадеру съ цѣлью выставки своихъ шляпокъ, перчатокъ и трэновъ; буфеты черезъ три часа, ни раньше, ни позже, съ угорѣлыми лакеями и безнадежно-мечущимися пассажирами; старыя графини, сѣвшія на непринадлежащія имъ мѣста, и молодой спутникъ ихъ, видящій все свое достоинство въ возможности пригрозить зуботычиной—и надо всѣмъ этимъ флегматичные кондуктора, старыя пристрѣленныя птицы, которыхъ ничѣмъ не удивишь и которые всего болѣе привыкли къ двугривеннымъ, полтинникамъ и рублевкамъ, смотря по минутѣ и обстоятельствамъ.

Водка царитъ повсюду; начинаешь понимать происхожденіе 250-тимилліоннаго дохода съ виннаго акциза. Много пьютъ и за-границей: нѣмецкая барыня пьетъ пиво не за однимъ обѣдомъ; на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ къ стойкѣ съ кружками этого напитка проталкиваются не одни мужчины; въ Италіи тоненькія fiaschetti съ бѣлымъ и краснымъ виномъ проходятъ одинаково, какъ по рукамъ мужчинъ, такъ и по рукамъ дамъ и дѣтей... Но тамъ пиво и вино—питье, утоленіе жажды; а можетъ ли наша всероссійская очищенная служить для этой цѣли?

Рано утромъ на какой-то маленькой станціи вамъ понадобилось чего-нибудь напиться: молока или зельтерской; вы бѣжите къ деревянной будкѣ, изъ-за широкаго отверстія которой сонно смотритъ неприглядная личность. Послѣдняя косо и чуть-ли не удивленно вслушивается въ вопросъ и сухо отвѣчаетъ:

— Нѣту, только водка есть, если хотите.

Приходится бѣжать къ зеленой кадкѣ и зачерпнуть оттуда мутной воды.

Скучно и монотонно. А тутъ, какъ бы въ pendant, эти товарные вагоны цѣлыми сотнями тянутся вдоль пути чуть не у каждой станціи. Красные, глухіе, они загораживаютъ видъ и точно вдавливаютъ васъ въ тѣсный, душный корридоръ безъ просвѣта и выхода. На простаго смертнаго, который смотритъ на вещи не глазами политической экономіи, они дѣйствуютъ раздражительно; и послѣ сутокъ, проведенныхъ на такой дорогѣ, съ облегченнымъ сердцемъ располагаешься въ Рыбинскѣ на американскомъ пароходѣ съ его отдѣльными, просторными каютами. Сознаніе, что ты человѣкъ, что можешь располагать своей личностью, что не стѣсненъ до ме-

лочей въ своихъ движеніяхъ, начинаетъ снова возвращаться и какъ бы снова будитъ къ жизни.

II.

Отъ Рыбинска до Нижняго.

Старая Москва въ роли объединяющаго центра.—Примѣръ Рыбинска.—Русскій Drang nach Osten. — Черты великорусскаго типа.—Удѣльный періодъ—лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.—Заснувшій Ярославль.

Рыбинскъ, взятый самъ по себѣ,—заурядный уѣздный городъ съ неизбѣжными неуклюжими колокольнями церквей, травой и коровами на площадяхъ, съ пылью, «портными Ивановыми изъ Лондона» и тому подобными принадлежностями богоспасаемыхъ градовъ русской земли. Удивительно сильна должна была быть эта нивеллирующая, «объединяющая» рука стараго Московскаго государства! Все подчинялось ей, ничто не ушло изъ-подъ ея строгаго, повелительнаго движенія. Сѣверъ и югъ, западъ и востокъ, дальнія и близкія мѣста—все, что только разъ вошло въ составъ наслѣдія Даниловичей, все должно было отшлифоваться на московскомъ оселкѣ. Во имя государственнаго блага, во имя цѣлей, не рѣдко самыхъ отдаленныхъ, хотя никогда не отвлеченныхъ, всякая часть государственнаго тѣла должна была разъ навсегда проститься съ своей индивидуальной физіономіей. Этотъ законъ отразился и на городѣ. Проходили годы, смѣнялись цѣлыя поколѣнія, возникали новыя условія жизни, а русскій городъ, какъ онъ сложился въ московскую эпоху, такъ и остался все тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ съизначала — административнымъ центромъ, механическимъ собраніемъ не самостоятельныхъ гражданъ... «Періодъ петербургскій» только закрѣпилъ, а не ослабилъ, не стеръ этой окраски. Рѣдкія исключенія скорѣе только подтверждаютъ общее правило.

А Рыбинскъ даже и не исключеніе. Конечно, это хлѣбный рынокъ; желѣзная дорога, оканчиваясь для пассажировъ у города, тянется еще нѣсколько верстъ по берегу Волги, подвозя и увозя сотни тысячъ пудовъ исключительно однихъ только товаровъ; на фарватерѣ рѣка представляетъ, дѣйстви-

тельно, настоящій лѣсъ мачтъ; самыя разнообразныя суда: бѣляны, мокшаны, расшивы громаднымъ караваномъ совсѣмъ обложили собою берега и до нельзя съузили Волгу, въ этомъ мѣстѣ и безъ того неширокую. Довольно крутая набережная полна ломовыми, носильщиками, тюками, тяжелыми ящиками; свистки пароходовъ приходящихъ и уходящихъ раздаются поминутно... Но все это—особая жизнь, съ «городомъ», право, ничего общаго не имѣющая. Какъ городъ, Рыбинскъ не много бы измѣнился, если-бъ не было этихъ пристаней, баржъ и груза; онъ по-прежнему остался бы тѣмъ же городомъ, управляющимся по Городовому положенію, и со своими гимназіями и училищами въ сущности былъ бы той же нецивилизованною деревнею. Развѣ—что не существовало бы желѣзной дороги, и обитательницы Рыбинска не могли бы ѣздить въ Москву или Петербургъ за новомодными шляпками!..

Кто ѣздилъ по Волгѣ внизъ отъ Нижняго, тому какъ-то странно соединять представленіе объ этомъ имени съ такой маленькой рѣчкой въ пологихъ берегахъ, какою течетъ она здѣсь. Обстановка кажется игрушечной, и пароходу, думается, ничего не стоитъ сдѣлать два-три размаха и стукнуться о берегъ. А между тѣмъ до Рыбинска Волга текла (сравнительно, конечно) по каменистому ложу и, съ трудомъ пробивая себѣ дорогу, была болѣе глубока, чѣмъ широка; ниже, на оборотъ, берега ея становятся рыхлыми, легко размываются, и рѣка, выигрывая въ ширинѣ, на время теряетъ въ глубинѣ.

Самобытная культура, не въ видѣ казенныхъ городовъ, а доморощенныхъ деревень, посадовъ, славныхъ монастырей, пустила здѣсь глубоко свои корни. Какъ впрочемъ взглянуть. Для однихъ это будетъ край «кашинскихъ мадеръ», помпадуровъ и Разуваевыхъ; для другихъ—страна льна, конопли (которой, дѣйствительно, много видно на поляхъ съ парохода), полотняныхъ фабрикъ, романовскихъ полушубковъ, «великая русская ткацкая»... А можно также сказать, что здѣсь арена великаго историческаго прошлаго русскаго народа.

Здѣсь впервые былъ намѣченъ тотъ Drang nach Osten, который выдуманъ не нѣмцами, а съ давнихъ поръ практиковался еще нашими предками. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ славянинъ оспаривалъ у финна возможность выработать закаленный типъ великорусса. И онъ успѣлъ въ этомъ! Здѣшній край давно впиталъ въ себя русскую народность. Чере-

мисъ и мерянинъ уступили свое мѣсто болѣе счастливому сопернику, не оставивъ по себѣ почти никакихъ слѣдовъ. Воздвиженское, Вознесенское, Медвѣдево, Дуброва, Густолѣсово, Болотниково, Богомолы и т. д., и т. д. сплошной чередою тянутся безъ перерыва въ названіяхъ приволжскихъ деревень. Одни только урочища, въ силу культурнаго закона, сохранили на себѣ память о дославянскихъ временахъ—главнымъ образомъ въ названіяхъ рѣкъ: Колокши, Печегды, Танги, Казоги, наконецъ, самой Волги и массы другихъ.

Когда ѣдешь по Рыбинскому плёсу (такъ называется обыкновенно пространство Волги отъ Рыбинска до Нижняго), по густонаселеннымъ его берегамъ, почти сплошь усѣяннымъ селеніями, гдѣ одна деревня смѣняетъ другую на пространствѣ какихъ-нибудь 3,5, много-много 7 верстъ, когда видишь всю эту трудовую, полную энергіи дѣятельность мѣстнаго населенія, этотъ непрерывный обмѣнъ добытаго,—больше чѣмъ когда либо начинаешь понимать все меткое сравненіе Забѣлина Сѣвера съ Югомъ, великорусса съ малоруссомъ. Просторъ и удаль южныхъ степей должны были здѣсь смѣниться разсудительностью и осторожностью сѣверныхъ лѣсовъ. Бѣдная природа не баловала, а требовала усиленной и постоянной работы. Вспыльчивости и отваги здѣсь не могло быть мѣста. «Десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь»—вотъ что становилося правиломъ сѣверно-русскаго человѣка.

Но эта же неказистость обстановки создала и общественность. Непосредственный опытъ жизни показывалъ, что умъ хорошо, а два лучше; что только въ совмѣстной дѣятельности лежитъ гарантія успѣха въ борьбѣ за существованіе. Всмотритесь въ лица матросовъ и особенно лоцмановъ нашего парохода. Сколько спокойной разсудительности въ ихъ выраженіи, достоинства въ движеніяхъ. Зорко смотрятъ они въ даль, твердой рукою поворачиваютъ руль и увѣренно отдаютъ свои приказанія. Мало поэтическаго въ этихъ типахъ, но не до поэзіи было жителю волжскихъ береговъ. Колонизація финскаго края, княжескія усобицы, тяжелые дни татарскаго ига, смѣнившагося, хотя и необходимыми, но все же суровыми требованіями государственной централизаціи, наконецъ, крѣпостное право съ крючкотворствомъ приказныхъ—вотъ условія его тысячелѣтней жизни.

Кстати. Въ этомъ длинномъ пространствѣ времени можно найти одинъ моментъ, на которомъ останавливаешься сравни-

тельно съ отдыхомъ. Я говорю—какъ это ни странно, можетъ быть, покажется—о періодѣ удѣльно-вѣчевомъ.

Карамзинъ отозвался о немъ какъ о темномъ лѣсѣ, въ которомъ блуждаешь, не зная, какъ радоваться, когда выберешься изъ него. Чтобы онъ сказалъ, еслибъ ему пришлось довести свою исторію до нашихъ дней? Какое бы мѣсто удѣлилъ онъ тогда странѣ старыхъ Ярославскихъ, Суздальскихъ и Галичскихъ князей? Какъ пусты и плоски оказались бы его страницы! Исторію мѣстнаго края пришлось бы обезличить въ исторіи московскаго или петербургскаго центра! Неужели это лучше?

Въ старину по крайней мѣрѣ жизнь била полнымъ ключемъ, кипѣли настоящія страсти, выработывались истинно человѣческіе характеры, жили настоящіе люди,—не конгломератъ людей, а общественный организмъ, съ живо сознанными и энергично проводимыми интересами. Не говорите мнѣ про грубость нравовъ той эпохи, постоянныя усобицы, насиліе и беззащитность—за то въ современникахъ Мономаха, въ сподвижникахъ Игоря Святославича горѣла та искра Божія, что не даетъ замереть лучшимъ и благороднымъ стремленіямъ человѣка; за то подъ грубою оболочкой билось честное сердце; за то въ молодыхъ порывахъ, въ этихъ лучшихъ ошибкахъ неопытной молодости, чуялось исканіе свѣтлаго идеала, выхода изъ темнаго мрака.

Колокша, Ярославль, Ростовъ, Сить, Кострома, Галичъ, Городецъ, Мстиславъ Удалой, Александръ Невскій—кто не встрепенется при этихъ именахъ, кто не вспомнитъ нашей сѣдой старины? Кто не признаетъ, что этотъ «муравейникъ» заключаетъ въ себѣ много идеальнаго и истинно благороднаго?

Если уже во что бы то ни стало надо дѣлать выборъ, то, право, лучше этотъ «темный лѣсъ», чѣмъ мутная тина, что̀ царитъ теперь здѣсь повсюду. Сквозь деревья нѣтъ-нѣтъ да и проглянетъ лучъ свѣта, а въ топкомъ болотѣ только вязнешь и погибаешь въ концѣ. Прочитайте любую лѣтопись, списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, любую исторію мѣстнаго края, всѣ эти труды гг. Храмцовскаго, Гациского, Титова, Миловидова, чтобъ убѣдиться, какъ богата была прежде и какъ бѣдна стала теперь эта жизнь. Проѣзжайте по Волгѣ, остановитесь въ любомъ большомъ селѣ, а еще лучше въ городѣ, и всюду сквозь лоскъ современности пробьется струя старины. Тутъ городъ сохраняетъ старое наз-

ваніе рубленаго, землянаго, прямо говоря о его происхожденіи и назначеніи; въ другомъ мѣстѣ разскажутъ какое-нибудь преданіе о подземныхъ ходахъ; а еще чаще встрѣтитъ васъ нѣмой свидѣтель протекшихъ временъ—старинная церковь съ затѣйливой архитектурою. Что же удивительнаго, если во время поѣздки по этому краю образы прошлаго толпой обступаютъ васъ и манятъ въ историческую даль!...

Эти мысли невольно роились въ головѣ, когда пароходъ далъ послѣдній свистокъ и отчалилъ отъ Ярославской пристани. Былъ поздній іюньскій вечеръ, послѣдніе дни астрономической весны. Солнце уже зашло, пурпурныя полосы заката почти совсѣмъ поблекли и только янтарные отливы всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ густожелтыхъ до свѣтлобѣлыхъ, прозрачно-молочныхъ, не хотѣли покинуть того мѣста, гдѣ нѣсколько минутъ назадъ еще сіялъ и царилъ дневной владыко. Здѣсь все еще было полно воспоминаній его недавняго присутствія.

За то востокъ давно потемнѣлъ и замолкъ. Да и на западѣ—минута, другая—и явились новыя краски, новые тоны, напоминая уже не столько прошлую жизнь, сколько наступающую смерть. Сѣрыя тучи, густыя облака беззвучно расползлись по небесному своду и пропали въ туманной дали; какія-то не то тѣни, не то общая мгла легли на все окружающее. Въ воздухѣ было совершенно тихо и беззвучно. Чѣмъ-то страдающимъ охватывало васъ, и еслибъ въ эту минуту шальной вѣтеръ пронесся бушующимъ ураганомъ, о, сколько душевнаго покоя принесъ бы онъ съ собой! Но, увы, всюду было безмолвно и неподвижно... Шальной вѣтеръ должно быть улетѣлъ далеко, далеко и унесъ съ собой послѣдніе признаки жизни. Все, что ни бросалось глазамъ, точно застыло: крупные и высокіе предметы стояли, какъ будто вкопанные; предметы мелкіе и низкіе, казалось, вросли въ землю и перестали существовать.

Пароходъ медленно отплывалъ и медленно скользилъ по водѣ вдоль нагорнаго волжскаго берега, на которомъ расположился старый городъ величаваго патріарха, мудраго Ярослава, и медленно шли одна за другой его старыя церкви и новыя зданія.

Всего города было не видно: онъ скрывался за горою, выставляя на видъ одинъ только рядъ береговыхъ строеній. Вонъ стоитъ темная церковь Петровскихъ временъ; за нею красный фасадъ духовнаго училища смѣняется губернаторскимъ домомъ, а на самомъ выступѣ сторожитъ и провожаетъ васъ бѣлый Демидовскій лицей съ колоннами во вкусѣ консульства и первой имперіи. Темные куполы густыхъ садовъ чередуются съ яркозелеными куполами церквей, изъ-за листьевъ деревъ кой-гдѣ выглядываетъ бѣлый краешекъ дома, а въ иномъ мѣстѣ огромное зданіе всею грудью своею бѣлѣетъ и ярко рисуется на темномъ фонѣ неба.

И всѣ эти храмы и дома, всѣ эти рощи и колонны, все какъ бы заснуло и замерло. Въ дымкѣ надвигавшейся ночи, въ неспокойномъ освѣщеніи янтарнаго заката все представлялось въ какомъ-то фантастическомъ свѣтѣ. Шла-ли это царица ночи, ея-ли дыханіе наводило неясную дремоту на всю природу; злой-ли колдунъ своимъ магическимъ жезломъ усыпилъ всѣхъ и все въ очарованномъ снѣ—не знаю. Только не слышно было ни звука, ни движенія. Напрягаешь ухо... вотъ, вотъ, можетъ быть, услышишь хоть сдержанный шепотъ, шелестъ крыльевъ пролетѣвшей птицы... Напрасная надежда! Все вокругъ тебя объято сномъ, и даже не сномъ, а чисто мертвеннымъ покоемъ.

Ни признака жизни. Окутанный садами, замеръ лицей; въ его пустыя окна беззвучно бьетъ блѣдный закатъ послѣднимъ лучомъ; какъ могильный крестъ, стоитъ высокая колокольня бѣлаго собора; кладбищемъ вѣетъ отъ густолиственныхъ садовъ. Не только жизни—ни стона страданія. Все это осталось въ одномъ прошломъ.

И странно! мысль о городѣ, о всемъ этомъ громадномъ населеніи ни разу не приковываетъ васъ къ себѣ. Точно, такъ и надо! Точно, это въ порядкѣ вещей, чтобъ 40 тысячъ нынѣшнихъ ярославцевъ въ культурной обстановкѣ XIX вѣка взяли да и пропали безслѣдно... Мало того, ваша мысль даже и не останавливается на этомъ фактѣ, а, мимолетно только скользя по немъ, спѣшитъ скорѣе уйти въ ту историческую даль, изъ которой выступаютъ старые Всеволоды, сѣдые Гюргіи. Вамъ точно легче дышать въ этой сферѣ «грубыхъ» людей, среди этой безъискусственной простоты. Вы точно увѣрены, что тамъ не найдете ни могильнаго молчанія, ни болѣзненнаго сна...

Быть можетъ, это пристрастіе? Если такъ, то отчего же

въ такомъ случаѣ время не одряхлило этихъ людей, годы не сгладили съ нихъ типическихъ чертъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто вспомнитъ нынѣшнихъ людей? Кто забудетъ людей того времени?

Пароходъ плылъ дальше, ночныя тѣни совсѣмъ охватили очарованный городъ и дѣлали его еще безжизненнѣе, еще неподвижнѣй.

III.

Нижній-Новгородъ.

Воинъ и купецъ. — Всероссійскій базаръ. — Нижегородскій Selfgovernement. — Что погубило нижегородскую старину?—Характеръ нижегородскаго прошлаго.

Какъ не похожъ теперешній Нижній на Нижній прошлыхъ вѣковъ! Куда дѣвался этотъ боевой городъ, этотъ передовой редутъ, сторожевой ратникъ восточныхъ границъ Московской земли! Онъ весь исчезъ въ торговой жизни, въ меркантильныхъ интересахъ новыхъ поколѣній. Теперешній Нижній—это огромный базаръ, складочное мѣсто товаровъ, шумное, но «мирное» поприще торговаго человѣка. И старина совсѣмъ ушла, совсѣмъ, можно сказать, потонула въ пучинѣ этихъ интересовъ. Тамъ, гдѣ въ другихъ городахъ названія кварталовъ «земляными», «рубленными» еще указываютъ на прошлое, здѣсь встрѣчаются только «Нижній Базаръ», «Верхній Базаръ», «Толкучка», «Милліонка» и т. п. названія, отъ которыхъ такъ и пахнетъ деньгами и аршиномъ. Масса лавокъ, магазиновъ, гостинницъ, трактировъ; повсюду оживленное движеніе, особливо на Нижнемъ Базарѣ, гдѣ сосредоточены пароходныя пристани, конторы, нагрузка и выгрузка товаровъ. Шумъ, ѣзда, ругань и та грязь или пыль съ ямами и кучами, которыя такъ идутъ къ русскому гомону—здѣсь особенно замѣтны.

Зарѣчная ярмарочная сторона такъ же и даже еще болѣе неказиста на видъ. Отчаянныя мостовыя, пыль и вонь. Набережная полна ломовыми, тюками: къ ярмаркѣ, очевидно, уже начинаютъ готовиться. Неприглядна эта сторона въ ярмарку; а теперь она настоящая мерзость запустѣнія. Заколоченныя

двери, облѣзшая штукатурка, оторванныя вывѣски и остатки прошлогднихъ афишъ; поломанныя окна, пустыя улицы, навозныя кучи—и на всемъ этомъ старый, грязный отпечатокъ. На краю обрывистаго берега вдоль пути стоятъ пестрыя, неизящныя вывѣски пароходныхъ обществъ. «Въ Пермь сегодня», «Въ Астрахань завтра»—мелькаетъ передъ вами то тутъ, то тамъ...

И при всѣхъ этихъ особенностяхъ Нижній-Новгородъ не ушелъ отъ общей судьбы русскихъ городовъ. Исторія обезличенія, потери своего «я» можетъ быть прослѣжена и на немъ. Этотъ городъ съ первой въ Россіи по своимъ оборотамъ ярмаркой, этотъ, по выраженію Петра, «великій внутренній портъ Россійскаго государства», такъ же безпомощенъ, такъ же слабъ духовно, какъ и любое русское захолустье. Обиходъ его жизни въ полной зависимости отъ случайностей, отъ внѣшнихъ вліяній. Торговый городъ, милліонные обороты—а не могутъ укрѣпить волжскаго берега такъ, чтобы не размывало и не заливало ярмарки. И всего-то на это надо какихъ-нибудь 300—400 тысячъ единовременной затраты, которая окупится сбереженіемъ въ общемъ цѣлыхъ милліоновъ. Городъ до сихъ поръ не могъ обзавестись постояннымъ мостомъ, связывающимъ нервъ его жизни—ярмарку. Да и разводный-то мостъ наводится много спустя послѣ ледохода. Карточный «Герой» перевозитъ съ одного берега на другой пассажировъ, набивая карманъ своего хозяина, а горожане платятся своимъ временемъ и удобствомъ. Одинъ изъ первыхъ городовъ въ Россіи до сихъ поръ регулярно каждую весну и осень по недѣлямъ бываетъ отрѣзанъ отъ міра, и получить въ эти дни почту изъ Петербурга или Москвы, или самому пріѣхать оттуда такъ же трудно, какъ съѣздить на луну. Все случайно. Живъ мѣстный милостивецъ-милліонеръ, обѣщаетъ построить мостъ — оживаютъ надежды; но вотъ умираетъ онъ, и наслѣдникъ говоритъ другое. И подѣломъ: зачѣмъ не умѣли пользоваться! Какъ-то смѣшно при этомъ вспоминать Нью-Іоркъ съ его громаднымъ сооруженіемъ черезъ East-River.

Что же погубило Нижегородскую старину? Гдѣ причина того, что городская святыня—могилы мѣстныхъ удѣльныхъ князей, гробница Минина, великаго гражданина русской земли — не выдѣляется среди лавокъ и балагановъ современной постройки? Гдѣ причина, что старинная Строгоновская церковь, памятникъ Минину и Пожарскому, самыя стѣны Кремля не могутъ

снять съ Нижняго его теперешняго исключительно базарнаго отпечатка? Причины этой, очевидно, надо искать въ исторіи города, въ самомъ характерѣ его жизни и назначенія. Нижній былъ поставленъ, какъ передовой оплотъ отъ восточныхъ враговъ; когда же русская колонизація отодвинулась далѣе къ Уралу и перебросилась даже за Сибирь—тогда онъ сыгралъ свою роль. Нижегородскій воинъ постоянно стоялъ съ обнаженнымъ мечемъ и потому на свое житье смотрѣлъ условно, какъ на временное. Его мысли были всегда устремлены впередъ, туда, на востокъ, и каждая новая удачная битва сильнѣе и сильнѣе отрывала его отъ жилья. Онъ не чувствовалъ себя прочно осѣвшимъ на мѣстѣ; не могла упрочиться и «старина». Онъ уходилъ, а его мѣсто заступали новые люди, съ инымъ характеромъ, не люди меча, а люди аршина, сохи, топора. Не въ этомъ классѣ могъ лежать залогъ сохраненія прошлаго.

Нашъ Drang nach Osten въ этихъ краяхъ начался издавна. Не даромъ считаютъ Юрія Долгорукаго истиннымъ основателемъ русскихъ поселеній въ Суздальскомъ краѣ: уже при сынѣ его, Боголюбскомъ, передовымъ пикетомъ въ сторонѣ Мордвы является Городецъ, лежащій отъ Нижняго верстахъ въ 50 вверхъ по Волгѣ. Въ 1221 г. кладется основаніе и самому Нижнему. Слѣдующіе факты проще и лучше всѣхъ разсужденій объяснятъ намъ роль новаго города. Въ 1377 г. Арапша, подручникъ Мамая, разбивъ русскихъ на р. Пьянѣ, ворвался въ Нижній, жегъ и проливалъ кровь христіанскую. Въ 1399 г. казанцы овладѣли Нижнимъ и двѣ недѣли неистовствовали въ немъ. 9 лѣтъ спустя Эдигей сжигаетъ Нижній. Въ 1445 г. Улу-Махметъ основываетъ новую Казань и тогда же беретъ Нижній и раззоряетъ его. Съ тѣхъ поръ Казань и Нижній, какъ два бойца, стоятъ одинъ противъ другого, всегда готовые сразиться на жизнь и на смерть. Въ 1505 г. Нижегородцы отражаютъ нападеніе казанскихъ татаръ; въ 1520 г. они опять въ положеніи осажденныхъ, въ 1536 — тоже. Но въ XVI в. — иныя времена! Въ 1508—11 гг. итальянецъ Петръ Франческо созидаетъ нижегородскій кремль, возводитъ башни, зубчатыя стѣны и дѣлаетъ городъ трудно доступнымъ для татаръ. Съ 1523 г. нижегородцы принимаютъ участіе въ походахъ русскаго войска на Казань, стоятъ подъ этимъ городомъ или въ его областяхъ въ 1524, 1530, 1532 и 1535... Передовыя укрѣпленія выдвигаются все дальше и дальше на востокъ: Василій III строитъ Васильсурскъ, его сынъ укрѣп-

ляется въ Свіяжскѣ, въ 35 верстахъ отъ вражескаго гнѣзда. Наконецъ въ 1552 г. падаетъ сама Казань, и весь востокъ русской земли могъ свободно вздохнуть. Что послѣднія слова не пустая фраза, можно видѣть хоть бы изъ того факта, что въ Нижегородскомъ Поволжьѣ за Нижнимъ до покоренія Казани въ теченіе 30 лѣтъ не сѣяли хлѣба, ноля поросли лѣсомъ и положеніе крестьянъ было ужасно. Но съ покореніемъ Казани пробилъ и послѣдній часъ боевой жизни для Нижняго-Новгорода. Военный городъ потерялъ свой raison d'être. Если раньше сліяніе двухъ большихъ рѣкъ было удобнымъ мѣстомъ загородить дорогу врагу, то теперь это же сліяніе манило къ себѣ желаннаго «гостя». Крѣпость преобразилась въ лавку, купецъ смѣнилъ солдата.

IV.

По Волгѣ до Камы.

Волжскій пейзажъ.—Волга не Терекъ.—Старый Макарій.—Въ лѣсной сторонѣ.—Волга ночью.

Сегодня нашъ пароходъ отходитъ въ Пермь. У высокаго берега передъ крутой лѣстницей, ведущей внизъ къ конторкѣ и самому пароходу, толпятся извощики, толкаются носильщики и нищіе, стоитъ не мало и праздноглазѣющихъ; темныя фигуры монашенокъ выслѣживаютъ васъ полупотухшимъ взглядомъ, протягивая впередъ свои четвероугольныя книжки. Не безъ труда очищаете вы себѣ дорогу среди несомаго багажа, идущихъ впереди и опережающихъ васъ пассажировъ, среди массы рукъ, сующихъ вамъ подъ носъ «горячую булку», «казанское мыло», лимонъ или грязную колбасу. Вы наконецъ купили билеты, сдали багажъ, заняли свое мѣсто и оглядываетесь съ довольнымъ чувствомъ человѣка, не опоздавшаго и покончившаго съ разными мытарствами. Раздается свистокъ; первый, второй и, наконецъ, третій. Мы трогаемся. Неторопливо отплываетъ пароходъ отъ берега, плавно дѣлаетъ полукругъ, чтобъ встать носомъ по теченію, и быстро плыветъ среди лодокъ и баржъ, пароходовъ и расшивъ. Глазамъ развертывается чудная панорама города—но не надолго; вонъ уже и «Откосъ», загородное гулянье на горѣ, а тамъ и скром-

ный Печерскій монастырь съ бѣлыми колоннами на темнозелеломъ фундаментѣ. Скрывается и онъ... слѣва тянется низкій Подновскій островъ... направо и налѣво начинаютъ мелькать деревни, села... Вы на Волгѣ!..

Волга! Чего только не писали про нее, съ какихъ только сторонъ не разсматривали! Инженеры и поэты, географы и историки—всѣ принесли ей свою дань. И сколько-бы ни писали, сколько-бы ни говорили, всегда, каждый разъ будетъ она вызывать новыя чувства, тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ проще, непосредственнѣе подойдешь къ тѣмъ ландшафтамъ и къ той жизни, которые открываетъ передъ вами эта великая русская рѣка... Всего не опишешь, да не все одинаково западаетъ и въ душу...

Но за то этотъ правый нагорный берегъ не уйдетъ отъ вашего взора, и Волга безъ него не была бы Волгой. Идетъ онъ больше покато, чѣмъ круто; некрупная, но яркая зелень покрыла его всего; густой орѣшникъ забился въ овражки, покатость берега образовала свои миніатюрные холмики и горбинки; повсюду мягкія очертанія, округлости; нѣтъ ничего рѣзкаго, кричащаго. За Васильсурскомъ берегъ идетъ сплошнымъ натянутымъ ковромъ зелени—и это цѣлыя версты, версты сплошнаго лѣса, вблизи свѣтлаго, вдали темнозеленаго, подернутаго легкою дымкой! Но не одна только жизнь природы чувствуется на этомъ нагорномъ берегу: на немъ нашлось мѣсто и человѣку. Гдѣ покажется деревенька, гдѣ домикъ въ лѣсу. Тутъ низъ берегового склона отороченъ зеленымъ лугомъ съ пасущимся стадомъ, тамъ жаркимъ пескомъ съ расбросанными на немъ рыбачьими лодками. А то такъ, на верху горы, примостилось село, а внизъ, къ водѣ, среди яркой зелени вьется не то дорога, не то красноглинистая ленточка... Мѣстами встрѣчаются ландшафты, передъ которыми пейзажи Орловскаго ничего не стоятъ, ибо они только слабая копія съ этого оригинала: горка образовала овражекъ, который сползъ къ рѣкѣ въ видѣ песчанаго берега; по пригорку размѣстились березы, ветлы, дубъ, то кучками, то отдѣльно. Деревья бросаютъ тѣнь; тутъ такъ и вѣетъ прохладой отъ полдневнаго солнца, подъ жаркими лучами котораго въ безмолвныхъ позахъ улеглось стадо коровъ...

Съ именемъ Волги обыкновенно соединяется представленіе о русской рѣкѣ, о матушкѣ-кормилицѣ. Рѣка съ нерусскимъ названіемъ стала коренною русской рѣкой. Вездѣ,

гдѣ бѣлѣется зданіе съ округлымъ верхомъ и четырехъугольною башней, крытой зеленымъ желѣзомъ; вездѣ, гдѣ бѣлая церковь колоритно выдается среди сѣрой массы низкихъ деревянныхъ домовъ—вездѣ означаетъ она присутствіе русскаго православнаго люда,—а такихъ церквей не мало на Волгѣ!

Почему-то приходитъ на мысль сравненіе Волги съ Терекомъ. Нѣтъ, это не Терекъ, что̀ какъ пойманный звѣрь бьется въ западнѣ! Какъ ни силенъ, какъ ни могучъ этотъ кавказскій богатырь, а все же онъ пойманный, все же въ опасности, въ положеніи осаждаемаго, все же приходится ему защищать себя отъ оскорбленій и въ безсильной злобѣ рвать сковывающія его цѣпи... Волга-же—настоящая царица!

Спокойно и величаво идетъ она впередъ, и все разступается пред̀ъ ея царственною красою, все никнетъ долу въ нѣмомъ удивленіи. Дорога ей открытая и свой путь она сама себѣ намѣчаетъ. Нагорный берегъ—это та раболѣпная свита, что̀ окружаетъ царицу; повернетъ царица вправо, и вправо заставитъ податься толпу; пойдетъ она влѣво—и берегъ покорно идетъ вслѣдъ за нею. Когда, разгнѣванная, она прогонитъ отъ себя жалкую толпу ничтожныхъ царедворцевъ, и нагорный берегъ уйдетъ далеко вправо, оставляя въ промежуткѣ широкую луговину, то мощь и величіе царицы водъ становится только еще поразительнѣе.

Противъ Васильсурска стоитъ Старый Макарій, мѣсто прежней знаменитой ярмарки, нынѣ перенесенной (съ 1817 г.) въ Нижній, той ярмарки, о которой еще Зотовъ, учитель Петра Великаго, отзывался, какъ о «зѣло важномъ сходбищѣ, о которомъ всегда думать надлежитъ».

Казалось, сколько разъ видѣлъ я прежде этотъ Макарій, но только сегодня какъ-то особенно бросился онъ мнѣ въ глаза. На низкомъ берегу, «среди песковъ», подъ сѣрымъ нависшимъ небомъ, стоитъ этотъ дряхлый свидѣтель сѣдой старины. Много вѣковъ пронеслось надъ его головой, а онъ успѣлъ пережить и себя, и свою славу. Мрачно смотрятъ его четыреугольныя и круглыя крѣпостныя бойницы, мрачно выглядываютъ изъ-за стѣнъ прямо опущенные, на старый манеръ, бока его четыреугольной церкви; все покрыто какимъ-то старосѣрымъ, пожелтѣвшимъ цвѣтомъ. Какъ дряхлый, беззубый старикъ, закоченѣлъ Старый Макарій на своемъ

мѣстѣ и безжизненно, апатично доживаетъ свой вѣкъ. Въ немъ остались однѣ только «статическія» силы, сохранилась одна только способность животно-растительной жизни, скорѣе прозябанія. Его стѣны и бойницы никому не нужны; къ обѣднѣ, которую служатъ въ его церкви, никто не ходитъ; въ его домахъ никто не живетъ... Жизнь вокругъ бьетъ ключемъ, плывутъ пароходы, тянутся баржи, кипитъ живой обмѣнъ мысли, труда, а потускнѣвшій взоръ его не понимаетъ ни этого обмѣна, ни этого труда. Безмолвно догораетъ его жизнь и безслѣдно исчезнетъ онъ съ лица земли, никому не нужный, всѣми позабытый.

Такова судьба всякаго народа, исполнившаго свое историческое назначеніе, всякаго отдѣльнаго человѣка, который изжилъ, выдохся, у котораго не хватаетъ силъ понять новыя требованія вѣка и отвѣчать на ихъ запросы. Въ послѣднемъ Старый Макарій не виноватъ: онъ честно исполнилъ свое историческое призваніе—быть стражемъ русскаго народа противъ восточныхъ инородцевъ въ эпоху, когда они еще были опасны для слабаго Московскаго государства временъ Васильевъ и Ивановъ, и быть ассимиляторомъ этихъ инородцевъ, носителемъ высшей культуры путемъ христіанской проповѣди, торговли и обмѣна... Старый Макарій, говорю я, не виноватъ въ своей судьбѣ; но сколько есть людей, которые понапрасну прожили свой вѣкъ, не умѣли идти за вѣкомъ и потому раньше, чѣмъ это допускали ихъ умственныя средства, отстали отъ него!..

За Васильсурскомъ не далеко и устье Ветлуги. Едва мы проѣхали его, какъ намъ попался цѣлый караванъ плотовъ; верстъ на восемь тянулся онъ вплоть до самаго Козмодемьянска, какъ бы прильнувъ къ правому берегу Волги. Глазъ уставалъ слѣдить за безконечными рядами настилокъ, надъ которыми торчали длинные шесты для сторожевыхъ фонарей, да еле-еле поднимались надъ поверхностью миніатюрные домики-срубы. Уже вечерѣло, и на шестахъ зажигались огни, а у избушекъ раскладывали костеръ за костромъ. Вся площадь воды у праваго берега мигала огнями.

Подобныя картины возможны только у насъ въ Россіи. Давно уже дѣлили Европу на западную—каменную и восточную—лѣсную. Это соотношеніе остается вѣрнымъ и до

настоящаго времени. Фактъ также общеизвѣстный, какая масса русскихъ поселеній носитъ названія, заимствованныя отъ лѣса. На атласѣ г. Рагозина я насчиталъ до 30 подобныхъ именъ (Боровицы, Липниково, Подберезное, Осиновка, Орѣхово, Ельня, Дуброва и проч. и проч.) на разстояніи отъ Рыбинска до устья Камы—и это только на пространствѣ, тѣсно примыкающемъ къ берегамъ рѣки, въ мѣстности, гдѣ поселенія слагались въ обстановкѣ чрезвычайно разнообразной и гдѣ, слѣдовательно, названія могли являться отъ самыхъ различныхъ причинъ. Положительно можно сказать, что Россія—по крайней мѣрѣ сѣверная и средняя—живетъ въ лѣсу и кормится лѣсомъ. Лѣсъ даетъ ей матеріалъ для жилья, для мебели, для путей сообщенія; въ лѣсу ловитъ русскій человѣкъ дичь, бьетъ звѣря и ставитъ пчелиныя борти; въ лѣсу, наконецъ, находитъ онъ и свой товаръ: уголь, деготь, бревна, тесъ. Ветлужская липа славится на всемъ Поволжьѣ; особенно ея лыко, лучшій сортъ котораго—со ствола—идетъ на лубокъ, а худшій—съ вѣтвей—на мочалу. И при всемъ этомъ какъ примитивно поставлено еще у насъ дѣло, которое кормитъ не одинъ десятокъ тысячъ! Рубка лѣса—настоящее хищеніе; никакого понятія о правильномъ лѣсовозвратѣ. О лѣсныхъ пожарахъ и говорить нечего. У академика Кеппена—правда, давно уже—среди дебрей Костромскихъ лѣсовъ сломался экипажъ, и не нашлось угля для разведенія огня, на которомъ можно было бы починить испорченное колесо. На нужды одного только волжскаго пароходства истребляется ежегодно—страшно выговорить!—до 10,000 десятинъ лѣсу, т. е. до 1.000,000 сажень дровъ; если же прибавить сюда и желѣзныя дороги въ предѣлахъ волжскаго бассейна, то цифра эта утроится...

Часы летятъ, а вмѣстѣ съ ними летитъ и пароходъ; наберетъ дровъ на пристани, спуститъ пассажировъ, замѣнитъ ихъ новыми—и дальше. Въ каютахъ и въ рубкѣ обычное истребленіе стерляжьей ухи, съѣсть которую каждый пассажиръ считаетъ чуть ли не своимъ нравственнымъ долгомъ. Уха чередуется съ картами и обычными разговорами; большинство пассажировъ слоняется и не знаетъ, какъ убить время. Приближающаяся ночь разрѣшаетъ ихъ скуку очень дешевымъ способомъ: палуба и рубка пустѣютъ, а изъ каютъ раздается

тяжелый храпъ. Но вмѣсто того чтобы спать, выйдемте лучше на верхъ и взглянемъ на Волгу ночью.

Характеръ впечатлѣнія трудно опредѣлить. Луговой берегъ слился въ одну узкую черную полоску, точно земляной валъ древней Германіи, на рубежѣ двухъ эпохъ, Цезаря и Арминія. Надъ этимъ валомъ сейчасъ же небо, на западѣ свѣтло-желтаго-желтаго фона, а еще выше неправильная темная лента далекихъ облаковъ; въ другихъ пунктахъ свода небо чистое, темно-синее. Нѣсколько звѣздочекъ; вода стальнаго цвѣта, со свѣтлымъ отливомъ на западѣ, съ темнымъ въ другой сторонѣ,—но тамъ и здѣсь одинаково неопредѣленнымъ, безжизненнымъ. Впечатлѣніе покоя, но безотраднаго; можно уноситься вдаль мыслями, можно не страдать, но за то ужъ никакъ и не радоваться, а скорѣе тупо и безучастно слѣдить за всѣмъ. Горный берегъ теряетъ свою дневную физіономію; про окраску, колоритъ цвѣтовъ и говорить нечего; теперь это одинъ скелетъ, схема недавно видѣннаго живаго существа. Сколько ни сидишь на палубѣ, сколько ни всматриваешься, новой мысли не набѣжитъ, и только утомишься въ однообразномъ хожденіи вокругъ одного и того же самому тебѣ неяснаго образа.

V.

На Камѣ.

Камскій пейзажъ.—Царство плотовъ.—Камскія ночи.—Сравненіе Камы съ Волгою.—Обоготвореніе Камы.

Въ Казань пароходъ приходитъ, когда вы еще спите и уходитъ настолько рано, что мѣшаетъ посѣтить городъ. Вы должны удовольствоваться издалека красивой панорамой Казанскихъ башенъ, колоколенъ и бѣлыхъ зданій, открывающихся взору по отходѣ парохода, да еще ждать впереди мѣста сліянія Камы съ Волгою. О послѣднемъ, впрочемъ, говорятъ больше, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Въ іюнѣ вода значительно спала, берега обнажились, «безбрежнаго» пространства уже нѣтъ, и вы не только безъ сожалѣнія поворачиваетесь въ сторону Камы, но и съ нетерпѣніемъ ждете начала пла-

ванія по ея водамъ, увѣренные заранѣе, что «многоводная» рѣка не обманетъ васъ въ ожиданіяхъ.

Первое впечатлѣніе, какое дѣлаетъ Кама, когда въѣзжаешь въ нее изъ Волги—это ея ширь и многоводіе, низкій нагорный берегъ выдѣляетъ еще болѣе ея ширину, а быстрое теченіе, почти полное отсутствіе мелей дѣлаетъ рѣку особенно плавною. Горизонтъ здѣсь шире, тѣмъ болѣе, что и сама рѣка не рѣдко разливается направо и налѣво. Чѣмъ дальше вверхъ, тѣмъ нагорный берегъ выступаетъ все яснѣе, становится выше, круче и ...диче. За Елабугой онъ одѣвается въ свою суровую одежду — темнозеленый лѣсъ. И сколько тутъ чуднаго и мощнаго!.. Пароходъ идетъ саженяхъ въ пяти отъ берега, передъ кручей, которая, подобно гигантской стѣнѣ, выпрямилась, вся темная и мрачная, грозная и непривѣтная. Господствуетъ сосна, до парохода доносится тонкій ароматъ смолы; низъ горы отороченъ дубнякомъ. Тамъ густо и темно; солнце на закатѣ и сейчасъ ушло за верхушки деревьевъ. Въ лѣсу темнѣетъ совсѣмъ. Здѣсь такъ умѣстно отсутствіе человѣка, и вотъ почему непріятно поражаетъ въ одномъ мѣстѣ куча нарубленныхъ дровъ и голая поляна, гдѣ отъ прежняго лѣса остались одни безобразные корни.—Пароходъ отходитъ вправо, ближе къ серединѣ рѣки, и весь этотъ лѣсъ-стѣна до мельчайшихъ подробностей отражается на стальной поверхности воды. И вѣдь цѣлыми нескончаемыми верстами плывешь вдоль такихъ береговъ!.. Мѣстами Кама дѣлаетъ крутые завороты; одинъ изъ такихъ загибовъ—при впаденіи Вятки, устье которой, запруженное плотами разной величины, такъ прямо и смотритъ на насъ. Издали, совсѣмъ въ сторонѣ, бѣлѣется деревенская церковь, а часъ спустя пароходъ идетъ уже мимо нея. Берега въ этомъ мѣстѣ изрыты лощинами, голыми, безъ лѣса, частью песчаниковыми, частью глинистыми; на полуденномъ солнцѣ глина такъ и горитъ; одна только рѣдкая зелень, едва-едва прикрывающая склоны горъ, одна она въ соединеніи съ воздушною дымкой смягчаетъ ея блескъ и изъ яркокрасной дѣлаетъ какъ бы желтоватой...

Пустынный край, царство лѣса и дикаго звѣря—вотъ что приходитъ чаще и чаще на мысль, съ каждой новой верстой, которую пробѣгаетъ пароходъ, съ каждымъ новымъ поворотомъ рѣки. Отъ Твери до Костромы весь берегъ Волги усѣянъ сплошь селеніями: проѣхалъ 3—4 версты и ужъ новая деревня. Отъ Костромы онѣ становятся рѣже; за Нижнимъ до

Казани чередуются приблизительно верстъ черезъ 10, 15; для Волги ниже Казани этотъ интервалъ увеличивается до 15—20 верстъ. А по Камѣ и 30, и 40, а то и больше верстъ ѣхать, не встрѣчая деревень, вполнѣ обычное дѣло. Да и пароходы здѣсь рѣже, и свистки не такъ часты, какъ на Волгѣ.

За то Кама съ ея притоками — это царство плотовъ, бѣлянъ, коломенокъ и т. п.; и всѣ они идутъ на встрѣчу, туда, откуда пришли вы. Здѣсь воочію передъ вами приложеніе политикоэкономическаго закона обмѣна продуктовъ. Всѣ эти плоты, которые на якорѣ, которые идутъ, но такъ тихо, что и тѣ, и другіе кажутся точно застывшими на мѣстѣ. И движенія-то на нихъ точно нѣтъ: кто спитъ, кто чинитъ рубаху, кто замеръ въ высматривающей позѣ; нѣсколько человѣкъ тянутъ шкворень, но такъ медленно-однообразно... Ни вѣтерка, ничего... Быстро проходитъ мимо нихъ пароходъ и, точно заколдованный мірокъ, промелькнетъ мимо васъ этотъ плотъ съ застывшей группой людей. Яркое солнце яркими красками врѣжетъ на память эту картину. За то по ночамъ, когда издали совсѣмъ не видать этихъ молчаливыхъ путниковъ, по рѣкѣ то и дѣло мелькаютъ огонекъ за огонькомъ.

Кстати, объ этихъ ночахъ. Онѣ совсѣмъ иныя, чѣмъ на Волгѣ.

Небо отчетливо чистое, ровное, ни крошки облака, разница развѣ въ тонахъ; свѣтлѣе, гдѣ западъ, темнѣй, гдѣ востокъ... Тихо, тихо... На верху одно только легкое движеніе воздуха; да и то оттого, что его разсѣкаетъ пароходъ. Поверхность воды зеркальная, и что это за зеркало! Ясное, чистое!... Такъ и хочется ему довѣриться, ступить и пройтись по немъ. Береговыя деревья отражаются въ водѣ и хотя они далеко, но кажутся такъ близко... Казалось бы, сдѣлать нѣсколько глиссадъ и схватить ихъ. Ширина рѣки увеличивается низостью береговъ, ровностью водной поверхности. Теряясь въ отдаленіи, сближаясь съ горизонтомъ, берега даютъ еще болѣе простора для глаза и въ полумракѣ лѣтней ночи не только не ограничиваютъ, а, наоборотъ, скорѣе какъ бы расширяютъ кругозоръ. Мѣстами рѣка дѣлаетъ такіе глубокіе заливы, такіе причудливые размахи, что, кажется, точно плывешь по-

среди озера. Въ этой массѣ воды, безраздѣльно повсюду царящей, есть что-то величественное.

Тихо и покойно! Чувствуется, какъ природа заснула, какъ беззвучно глядятъ въ ея зеркало берега и какъ на встрѣчу парохода выступаютъ одинъ за другимъ острова. Заблудшій огонекъ на берегу или крикъ дергача въ перемежку съ соловьиными переливами только еще сильнѣе вызываютъ впечатлѣніе покоя, пустынности. Жутко было бы среди этого заколдованнаго міра, если-бъ неожиданно очутиться въ лодченкѣ посрединѣ рѣки...

Вотъ темная масса въ сторонѣ: сразу и не отличишь, точно островокъ; мигаетъ вверху свѣтлая точка—это плотъ, совсѣмъ застывшій на застывшемъ зеркалѣ рѣки. Немного дальше—расшива; ее тоже скорѣе угадываешь, чѣмъ различаешь; тихо, тихо на ней до мертвенности. Работа кончена, якорь брошенъ, снасти и крючья убраны, просохнувшая рубаха уложена на мѣсто; рабочій людъ, завернувшись въ зипуны, улегся въ свою избушку. Онъ спитъ, и что ему снится? Снится ли ему сонная рѣка, что̀ несетъ его на своихъ плечахъ, ея помертвѣлые берега? Или видитъ онъ свою глухую деревнюшку и ребятъ у дыряваго забора? Снится ли ему веселый гомонъ деревенскаго праздника? Или—что́ лучше и вѣроятнѣе—ничего ему не снится и спитъ онъ какъ убитый, чтобъ завтра рано на зарѣ подняться, и снова начать свой тяжелый трудовой день, на зарѣ, когда мы, убаюканные подъ монотонный плескъ воды объ окна нашихъ каютъ и подъ мѣрное движеніе парохода, пойдемъ спать сномъ сибарита, чтобъ и во снѣ продолжать свои грезы и мечты!..

А расшива давно ужь осталась позади насъ; ночная Кама несетъ намъ новыя картины, будитъ новыя мысли. Вонъ сейчасъ на крутомъ поворотѣ темнѣетъ какое-то село. Его церковь уже не бѣлѣется, какъ днемъ, а только вырисовывается на свѣтломъ фонѣ западной стороны неба. И въ деревнѣ тотъ же сонъ и покой. Ни звука. Одинъ блудящій огонекъ гдѣ-то боязливо и таинственно мигаетъ. Церковь на самомъ выступѣ, у самой кручи берега. Среди домовъ она вмѣстѣ съ ними такъ и отражается въ водѣ. Среди темной безформенной массы зданій отчетливо выдѣляется широкое основаніе и на немъ справа цилиндрическая форма, короткая и тяжелая съ куполомъ вверху, а лѣвѣе тонкая четырехсторонняя призма—колокольня. Креста нельзя различить, онъ слился въ одну сплош-

ную тонкую и узкую линію. Что-то необычайное, таинственное слышится въ этой колокольнѣ. Не то часовой, чутко прислушивающійся къ спящему поселенію, не то какое-то memento mori. Людмила Жуковскаго непремѣнно такую церковь видѣла во снѣ. Безформенная масса домовъ легко кажется кладбищемъ.

Но пароходъ идетъ впередъ, и по-прежнему передъ вами тишь и гладь, да водный просторъ Камской ночи.

Но хороша, оригинально хороша Кама и днемъ. Ее невольно сравниваешь съ Волгой, образъ которой при этомъ сравненіи выступаетъ совсѣмъ въ иныхъ очертаніяхъ, чѣмъ прежде. Теперь это — граціозный юноша, взлелѣянный на лонѣ матери, готовый въ недалекомъ будущемъ показать свою мощь и силу, но пока еще забавляющійся въ своемъ саду, гдѣ онъ окруженъ пестрыми цвѣтами, звономъ ручьевъ и трелями соловья. Ему хорошо здѣсь на солнечномъ припекѣ, и его молодое, красивое лицо свѣтится яркой улыбкою. Ни заботъ, ни горя, ни понятія даже о какомъ-либо страданіи или неудовольствіи. Только кой-гдѣ чувствуете вы, что это не надолго, что время возьметъ свое, и беззаботность юности смѣнится тяжелымъ трудомъ мужчины, гдѣ вмѣсто розъ одни шипы, вмѣсто трелей—вой вѣтра и дождь, гдѣ вмѣсто нѣги—усталость и заботы. Но, повторяю, это только мѣстами; общее же впечатлѣніе—радужная молодость.

Не то Кама. Это мощный титанъ, спокойный въ сознаніи собственнаго величія. Какъ невозмутимо текутъ эти воды, какъ широко раздвинулись онѣ! Здѣсь нѣтъ мѣста ни изяществу, ни улыбкѣ, ни красѣ; эта декорація не гармонировала бы съ основнымъ характеромъ картины, а только опошлила бы ее. Въ рукахъ этого гиганта смѣшно видѣть душистыя розы, смѣшно слышать изъ устъ его звонкую трель. Его нарядъ строгій и суровый: безоблачное, темносинее или сѣрое, мрачное небо, низкіе берега, если же высокіе, то крутыми обвалами, гордые и прямые; поля, теряющіяся вдали; лѣса, которыхъ не замѣчаешь вблизи этой водной массы; одинокія чайки, мизерная лодка, пугливо прячущаяся въ извилинахъ рѣки—и надо всѣмъ этимъ молчаливый, внушающій страхъ и уваженіе, пустынный размахъ водянаго царя...

Становится понятнымъ, почему необразованный, перво-

бытный умъ язычника-финна боготворилъ эту рѣку. Ужь и такъ-то во всемъ причудливомъ, непонятномъ видѣлъ онъ таинственную, божественную силу: его поражалъ и развѣсистый исполинскій дубъ, и цвѣтокъ съ яркими красками, и родникъ воды, невѣдомо откуда несущій свою вѣчно чистую влагу... Все, что было выше его пониманія, выше его способностей—все это были боги. Съ трепетомъ вступалъ онъ въ темный, мрачный лѣсъ или въ необъятную ширь сѣверныхъ полей, робко слѣдилъ онъ за зигзагами молніи и отдаленными раскатами грома; невѣдомую силу видѣлъ онъ въ огромномъ камнѣ, на половину вросшемъ въ землю и покрытомъ мхомъ. Гудѣлъ-ли вѣтеръ въ ближайшей рощѣ, слышался-ли во тьмѣ крикъ ночной птицы, вспоминалось-ли, какъ въ сосѣднемъ болотѣ завязъ и погибъ какой-то прохожій—все это было, по мнѣнію суевѣрнаго финна, дѣломъ страшнаго, могучаго бога. Невѣжественный и беззащитный, не довѣряя своимъ силамъ и постоянно трепеща за свою жизнь, онъ воображалъ себя отовсюду окруженнымъ ужасными силами, которыя во всемъ ему вредятъ и отъ которыхъ ему невозможно спастись.

А тутъ еще эта царственная Кама съ весеннимъ половодьемъ, съ широкимъ разливомъ, настоящимъ безбрежнымъ моремъ. Что за присутствіе силы! Разливаясь на цѣлыя версты, этотъ богъ заливаетъ не только луга, но и лѣса, подтачиваетъ высокіе отлоги, все разрушаетъ и гонитъ на своемъ пути. Какъ не поклониться ему! Но этотъ же богъ питаетъ и тучную землю, въ его водахъ купаются вѣтви, его водой омываются корни этихъ дремучихъ лѣсовъ, которыми живетъ туземецъ, строя себѣ и домъ, и лодку, и дровни, и лукъ; а въ этихъ лѣсахъ живетъ звѣрь и птица; рыбу даритъ тотъ же богъ. Ему, этому богу, поклоненіе и хвала!

VI.

Вверхъ по Камѣ—къ Уралу.

Вечеръ въ Гольянахъ.—Верхняя Кама.—Кама въ области исторіи.—Русскій Selfhelp.—Сонная Пермь.—Послѣднее прости.

Начинало смеркаться, когда пароходъ подошелъ къ бѣдной деревушкѣ—селу Гольянамъ. Я вышелъ на некрутой бе-

регъ, на которомъ расположилось селеніе. Было воскресенье, и оно сказывалось въ массѣ бабъ и дѣвокъ, столпившихся на конторкѣ въ цвѣтныхъ яркихъ ситцахъ; сказывалось и въ мужикахъ, изъ толпы которыхъ шла болѣе чѣмъ обыкновенно шумная рѣчь. Нѣсколько шаговъ — и передъ вами громадная площадь, скорѣе какой-то плацъ, весь въ травѣ: съ одной стороны рядъ подозрительныхъ домовъ съ подозрительно полинявшей желтой—и такой неприглядной желтой—краской (казенный складъ оружія изъ сосѣдняго Ижевскаго завода); съ другой — сѣрыя избы и между ними волостное правленіе, о чемъ гласила надъ крыльцомъ сломанная доска съ стертою надписью. Направой сторонѣ площади помѣстилась церковь; за нею небольшой рядъ улицъ—вотъ и все село. Передъ церковными воротами валялись въ безпорядкѣ доски, стояли разобранныя деревянныя палатки; одна только изъ нихъ, крытая холстомъ, еще уцѣлѣла. Земля была сплошь усыпана скорлупой орѣховъ, подсолнечнаго сѣмени: сегодня утромъ послѣ обѣдни здѣсь былъ торгъ. Сбоку—лавка, гдѣ сосредоточено все отъ вонючей кожи до плохаго одеколона включительно; широкая дверь подъ низкимъ навѣсомъ предлагаетъ вамъ туда войти. А нѣсколько дальше, въ указанномъ закономъ разстояніи, произведенія водочнаго завода Бодалева, манятъ подъ свой пріютъ податливыхъ обывателей. Какихъ-нибудь пять—десять минутъ, и вы уже вполнѣ оріентировались въ Гольянахъ.

Вечерѣло; сѣрыя тѣни ложились повсюду; темныя облака сплошь облегли все небо, вода послѣ недавняго дождя была темносиняя; противоположный лѣвый—пологій—берегъ тоскливо глядѣлъ своимъ низкорослымъ кустарникомъ. Обширная, но безлюдная площадь, пьяные голоса, заколоченный домъ неподалеку, конецъ селенія, сразу виднѣющійся... такъ и пахнуло деревней, той захолустной, обиженной деревней, какихъ сплошь и рядомъ на бѣлой Руси. Чѣмъ-то хищнымъ и раззореннымъ вѣяло повсюду. Не смотря на пѣсни бабъ и «говоръ пьяныхъ мужичковъ», звонъ колокольчиковъ, дожидающихся отвезти пассажировъ съ парохода, чувствовалось, что часъ-другой,—и полная мертвенность воцарится въ Гольянахъ. Уйдетъ пароходъ, умолкнутъ пѣсни, разъѣдутся пассажиры, заснутъ и безъ того сонныя улицы, а громадная площадь потонетъ въ безмолвномъ мракѣ. Вотъ гдѣ мѣсто для ссылки, невольно подумалось мнѣ!

Это чувство не ослабѣло, а только усилилось при видѣ беззащитно-бѣдной заброшенной церкви. Когда-то штукатуренная, она вся теперь облѣзла, и штукатурка обвалилась; кажется, мѣста живаго на ней не найдешь: ямистые кирпичи тысячами глазъ глядѣли вамъ въ лицо. Каменная ограда была не въ лучшемъ видѣ; внутри ея все поросло густою травой; ни тропинки, ни слѣда недавно проходившихъ здѣсь ногъ. Въ сѣрой дымкѣ наступавшей ночи Божій домъ казался еще болѣе покинутымъ. Вѣтвистыя березы заглядывали въ выцвѣтшія окна храма и оплакивали его руины и пустоту. Одни только голуби да грачи свили себѣ гнѣзда на церковной колокольнѣ и съ шумомъ летѣли туда на ночлегъ...

Я долго смотрѣлъ на южныя двери. Рядъ ступеней велъ подъ навѣсъ, поддерживаемый двумя дорическими колоннами; надъ нимъ гнѣздилась восьмиугольная башенка съ куполомъ. И мысль какъ-то сама собой перенеслась въ далекій южный край, подъ ясное небо Эллады, гдѣ гордо воздымались царственные храмы, гдѣ граждане тщеславились видѣть имена свои увѣковѣченными на стѣнахъ этихъ храмовъ, гдѣ...—и горькая усмѣшка невольно скользнула на губахъ. Боже мой! Куда не занесетъ иногда мысль! Да и по праву-ли?..

Пароходъ далъ свистокъ, и когда черезъ пять минутъ мы отчалили, мнѣ стало какъ-то легче на душѣ.

За Сарапуломъ Кама становится замѣтно у́же; нѣтъ болѣе «озеръ», лѣвый берегъ понижается, мѣняется характеръ и праваго нагорнаго: линія дѣлается болѣе волнистою, горбины образуютъ впадины, большія лощины. Рядомъ съ лѣсистымъ берегомъ идетъ голая холмистая покатость, одинъ склонъ которой вспаханъ и засѣянъ. Менѣе правильности, но болѣе разнообразія.

Въ этомъ разнообразіи, надо думать, сказывается вліяніе Уральскаго хребта. Уже передъ Осой его отроги начинаютъ мѣстами набѣгать къ лѣвому берегу, а выше этого города такъ и къ правому. Ломанные, блѣдносиневатые, покрытые краснымъ лѣсомъ и кой-гдѣ вспаханные, уральскіе холмы и вѣтви появляются то тутъ, то тамъ. Теперь не только правый, но и лѣвый берегъ иногда становится нагориымъ: очевидно, рѣка въ этихъ мѣстахъ искала себѣ дороги и прорубала ее тамъ, гдѣ было удобнѣе, бросаясь изъ стороны въ

сторону, омывая горныя подножія и съ востока, и съ запада. Чѣмъ выше, тѣмъ Кама диче и, пожалуй, еще величественнѣе, но ея красота становится уже утомительной.

За то вечера неизмѣнно прекрасны. Та же зеркальность, тотъ же покой и такъ же смотрятся въ воду берега и деревья. Только еще глуше и отчужденнѣе, еще меньше плотовъ и огоньковъ на берегу. Лѣвый берегъ, сплошь окутанный темной одеждой, высокой стѣною далеко вытянулся впередъ, завернулъ влѣво и затѣмъ пропалъ изъ глазъ, постепенно понижаясь. Рѣзко ограниченная съ этой стороны, подъ флеромъ вечерняго сумрака, Кама точно влилась въ глубокій водоемъ, въ глубокую длинную чашку и застыла въ ней. Покой, какимъ дышетъ въ эту минуту вся природа, невольно передается и вамъ, унося далеко въ безпредѣльнее пространство и вызывая цѣлый рой воспоминаній.

Если Волга съ нерусскимъ именемъ стала великою русской рѣкой, то что мѣшало сдѣлаться такою же и пермяцкой Камѣ? Вѣдь русскій человѣкъ узналъ ее не со вчерашняго дня! Многихъ влекла сюда богатая нажива: край изобиловалъ солью, мѣхами, «закамскимъ» серебромъ. Еще во времена Болгаръ посѣщали купцы баснословно богатую Біармію; еще Несторъ слышалъ разсказы Гюряты Роговича о посѣщеніяхъ русскими Югры, Печеры. Сперва Новгородъ, потомъ Москва высылали въ Пермскій край колонистовъ. Масса безвѣстныхъ именъ сложила здѣсь голову въ борьбѣ съ природой и врагомъ—туземцемъ; а кто возвращался, отягченный обильной добычей,—открывалъ дорогу новымъ искателямъ. И тѣ, кому особенно тѣсно жилось у себя дома—въ силу-ли ига татарскаго, въ силу-ли ярма воеводскаго, или просто отъ избытка молодыхъ силъ,—тѣ первые слѣдовали ихъ примѣру. А многихъ влекли сюда иные мотивы: уйти отъ міра и его соблазновъ и въ глуши лѣсныхъ дебрей, въ сообществѣ немногихъ сподвижниковъ или въ полномъ уединеніи схорониться отъ мірскаго зла. Общеизвѣстный фактъ—для того, чтобы стоило о немъ распространяться—какую роль въ исторіи колонизаціи играли наши монастыри.

За ушкуйникомъ, купцомъ и монахомъ шла административная власть, и край мало по малу входилъ въ составъ

Русской земли. Если въ 1174 г. новгородскіе повольники основали Хлыновъ, нынѣшнюю Вятку, то, конечно, не позже показались ихъ ладьи и въ сосѣдней Камѣ. Въ XIV столѣтіи святитель Стефанъ является апостоломъ Пермскаго края. Въ 1472 г. Біармія становится московской волостью. Чердынь и Соликамскъ, древнѣйшіе города, основываются еще въ XV вѣкѣ. Выварокой соли московскіе люди стали заниматься еще до Ивана III. Едва завоевана была Казань и сталъ доступенъ прямой путь изъ Москвы на сѣверо-востокъ, какъ не проходитъ и шести лѣтъ, а именитые люди Строгоновы выхлопатываютъ себѣ грамоту на владѣнье обширнымъ пустопорожнимъ кускомъ земли, по обѣ стороны Камы отъ Лысвы и Пыскора до Чусовой: «а всего деи того пустаго мѣста 146 верстъ», гласитъ царскій указъ. Спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, Ермакъ со своими удальцами, очевидно, зналъ, куда шелъ и, вѣроятно, предвидѣлъ, какое широкое поприще благодатный край открываетъ его энергіи и неспокойной силѣ. Безъ Камы не было бы для насъ и Сибири; безъ Камы не занять бы намъ такъ быстро, въ какія-нибудь 20 лѣтъ, всей западной полосы этой необъятной равнины и не основать бы цѣлаго ряда городовъ: Пелыма, Тобольска, Березова, Тары, Томска и др. Уже при сынѣ Грознаго открываютъ прямую дорогу въ 250 верстъ отъ Соликамска до Верхотурья, создавая административное, торговое и военное звено и залогъ между Русью Европейскою и Русью Азіатскою... Кто только не проходилъ по этой Камѣ, по этой столбовой, широкой дорогѣ?! Манило-ли кого золото Алтайскихъ и Даурскихъ горъ, на черноземныхъ ли поляхъ Сибири надѣялся кто найти свою благодатную ниву, искалъ ли кто соли и металловъ въ Уральскихъ горахъ—никто не обходилъ многоводной рѣки.

Такъ почему-жъ она, точно кладъ заколдованный, не дается намъ въ руки? Прошли столѣтія, а измѣнилось-ли что въ ея жизни? Правда, не ходятъ больше по ней удалые повольники и не наводятъ страха на мирныхъ дикарей; здѣсь нѣтъ больше мѣста сподвижникамъ Ермака; пермяцкая Кама стала русскимъ владѣніемъ, но пустынной осталась она попрежнему. По-прежнему на цѣлыя версты ни кола, ни двора, по-прежнему одно ея дикое, нетронутое величіе, по-прежнему густы и угрюмы ея крутые берега, покрытые темною елью.

Въ этихъ мѣстахъ и теперь, какъ тогда, охватываетъ жуткое чувство одиночества; и теперь чувствуешь повсюду присутствіе какой-то стихійной, всегда опасной для тебя силы... Пустынная рѣка! Прошли столѣтія, какъ мы овладѣли тобою, но владѣемъ номинально; мы чужды твоихъ богатствъ, мы не умѣемъ ими пользоваться. Въ рукахъ американца и даже западноевропейца Кама представляла бы совсѣмъ иное... Отчего?..

Не подскажетъ-ли намъ отвѣта та же исторія? Перенесемся за 300—400 лѣтъ назадъ. Москва, центръ государства, правительственная машина, далеко отсюда; неуютнымъ и безсильнымъ чувствуетъ себя въ этихъ краяхъ русскій человѣкъ; онъ не знаетъ, какъ попалъ сюда, вѣдая одно, что ему нужно тутъ остаться: онъ завелъ свое хозяйство и, какъ оно ни бѣдно, но оно ему дорого; чувство осѣдлости тоже привязываетъ къ насиженному мѣсту; а тутъ и царскіе люди, приказные да воеводы, требуютъ, чтобъ онъ остался на мѣстѣ, платилъ подать, несъ царскую службу. Одному, безъ чужой помощи, ему не прожить: государь защититъ его отъ черемиса, дастъ земли и зеренъ на посѣвъ; государь пошлетъ торговыхъ людей привести ему товаръ, какого здѣсь нѣтъ, пошлетъ воеводу, своего человѣка, для суда и расправы; государь спасетъ его отъ голода и бѣды, и всякой напасти, какая угрожаетъ ему здѣсь на каждомъ шагу; государь защититъ его отъ этого самого воеводы, отъ его притѣсненій, кривды и взяточничества —словомъ, государь, вездѣ государь.

Въ другихъ земляхъ, гдѣ пространства были меньше, а сообщенія ближе, скорѣе и приспособленнѣе, гдѣ населеніе было гуще, гдѣ обмѣнъ товаровъ, произведеній страны и самыхъ мыслей былъ гораздо удобнѣе,—тамъ, въ этихъ странахъ, человѣкъ чувствовалъ себя сильнѣе и безопаснѣе, ему легче было образовывать общества, кружки и во взаимодѣйствіи этихъ обществъ находить оплотъ для себя противъ опасности. Въ правительствѣ не было такой нужды. Оттого-то тамъ, въ этихъ земляхъ, въ Западной Европѣ и развилась привычка къ самодѣятельности, къ тому, что̀ англичане называютъ selfhelp. У насъ не то: безъ царя не было обезпеченія, русскій человѣкъ во всемъ полагался на него, жилъ царскимъ захребетникомъ, царскою думою, и мысль отъ дол-

гаго бездѣйствія оказалась неспособной къ самостоятельному мышленію. Мы, какъ маленькія дѣти, привыкли, чтобъ насъ водили на помочахъ, сдали на руки нянькѝ; вотъ почему и Кама наша до сихъ поръ пустынна, вотъ почему мы скорѣе, какъ ребята, только портимъ ея богатства, зарываемъ ихъ въ землю, скорѣе сжигаемъ, чѣмъ благоразумно ими пользуемся...

Плаваніе, наконецъ, приходитъ къ концу, и мы пріѣзжаемъ въ сонную Пермь. Да, сонную; другого эпитета ей не приберешь. Какой это характерный типъ далекаго губернскаго захолустья, этотъ городъ! Кажется, за послѣдніе 15—20 лѣтъ, какъ приходилось его видѣть, онъ ни въ чемъ не измѣнился. Высоко стоитъ яркое солнце надъ городомъ, расположившимся на высокомъ лѣвомъ берегу Камы; снизу, отъ пароходной пристани, поднимаются въ гору, въ городъ. Широкія, спокойныя улицы; сонные извощики на перекресткахъ дремлятъ въ сладкомъ far niente; кой-гдѣ пробѣжитъ мальчуга, лѣниво пройдетъ туземецъ-чиновникъ; улицы поросли травою; немощеныя, усыпанныя мягкимъ пескомъ, онѣ скрадываютъ всякій шумъ и шопотъ; тянутся деревянные троттуары по бокамъ домовъ, кой-гдѣ они провалились и прогнили; пѣшеходовъ на нихъ немного, за то, очевидно, козлы и коровы прогуливаются по нимъ, оставляя воспоминанія о своемъ пребываніи. Молчаливо и безмолвно стоятъ большіе оштукатуренные набѣло дома; въ открытыя окна видно то же безмолвіе; неуклюжій гостиный дворъ, гдѣ открыта одна лавка черезъ пятую; «Сибирскій проспектъ»—главная улица: присутственныя мѣста, магазины. Въ послѣднихъ я легко нашелъ по части съѣдобной, но для умственной пищи съ грѣхомъ пополамъ отыскалъ разрозненныя и неоконченныя произведенія мѣстной печати. Кой-гдѣ пустыя будки, отвалившаяся штукатурка—и полная тишина кругомъ... Мертвечина да и только! Что хорошо здѣсь, такъ это большіе густые сады частныхъ владѣльцевъ. Но эти навѣсы зеленыхъ кущъ, гдѣ такъ привольно и вѣетъ нѣгой и прохладой, еще только полнѣе гармонируютъ съ общимъ сномъ и неподвижностью!

Пожалуй, скажутъ: что-жъ тутъ дурнаго? Тихо, уютно и спокойно! Нѣтъ гвалта, не чувствуешь себя на юру?!. Двумъ

любящимъ сердцамъ такъ хорошо укрыться въ этомъ уголкѣ?!. Культурному человѣку вдали отъ «шума свѣта» никто не помѣшаетъ работать?!.

О, не говорите! Живо припоминается мнѣ другой далекій городъ, который я видѣлъ такъ же мелькомъ—и какая разница! Этотъ городъ—Мюнхенъ. Вотъ ужь гдѣ, дѣйствительно, тепло, уютно и привольно! Но за то полонъ онъ и жизни!.. Жить тамъ для воспитанія дѣтей или на старости лѣтъ—да я лучшаго уголка и не знаю. Городъ небольшой, чистый, нѣтъ шума и толкотни; но есть все, что можетъ дать и громадный центръ. Здѣшняя Пермь предлагаетъ вамъ мужскую и женскую гимназіи, реальное училище, общественный садъ, называемый загономъ и представляющій жалкую пародію чего-то на что-то; со дня на день отмѣняемые концерты заѣзжихъ музыкантовъ, этихъ непризнанныхъ талантовъ, какіе-то «испанскіе (?) кегли»—вотъ и все, кажется.

Нѣтъ, прощай, Пермь; намъ съ тобой не ужиться... Свиститъ паровозъ, звенитъ звонокъ, пассажиры садятся въ вагоны. Пора ѣхать дальше.

Но здѣсь, на Пермскомъ вокзалѣ, я распрощусь съ тобою, мой благосклонный читатель. Чувствую всю неделикатность, покидая человѣка въ незнакомомъ городѣ. Но смотри: тотъ же пароходъ, что́ привезъ насъ сюда, завтра утромъ повезетъ тебя обратно, и въ трое, пятеро сутокъ ты будешь снова дома. Я не рѣшаюсь—по крайней мѣрѣ сейчасъ—совершить дальнѣйшій путь въ сообществѣ съ тобою. Причина простая: боюсь за тебя. Мысленно пробѣгая свершенный нами путь, я ужаснулся, подумавъ, какую тоску, какое taedium vitae должны были нагнать на тебя мои монотонныя страницы. Сельскій ландшафтъ живописной рѣки я вдвинулъ въ сѣрую рамку томящаго вечера; яркое солнце пышно-убранной Волги я охолодилъ картинами разрушенья; радостное чувство, какое испытываешь, вырываясь изъ душнаго города, я отравилъ тебѣ разъѣдающей рефлексіей; суровую мощь водянаго великана обезсилилъ тревогой наболѣвшаго сердца... На каждомъ шагу я бередилъ твой душевный покой. Какъ ты еще не бросилъ меня на половинѣ дороги! Поэтому, разстанемся съ тобою здѣсь. Позволь мнѣ—на этотъ разъ въ

полномъ одиночествѣ—углубиться въ нѣдра Уральскихъ горъ, прорѣзать ихъ хребетъ и пройтись, согрѣтому яркимъ солнцемъ, по безбрежнымъ равнинамъ, по тѣмъ степямъ, гдѣ подаютъ другъ другу руки двѣ сестры, Европа и Азія. Быть можетъ, отдохнувъ, ты охотнѣе послѣдуешь за мною. Я буду готовъ къ твоимъ услугамъ. И такъ по выбору, прощай иль до свиданья!

Евгеній Шмурло.